

выдерживают знойный климат и скудность растительной пищи здешних мест.

Под-вечер одиннадцатого марта, когда караван экспедиции особенно успешно шагал по слегка наклоненной к Сого-нор'у центрально-монгольской равнине, покрытой сплошной галькой, мы с удовольствием вперяли свой взор в серебристую полосу ближайшей к нам береговой части озера... При догоравших солнечных лучах, ярко скользивших по лону вод, в бинокль, отлично виднелись стаи птиц, темной сеткой пролетавших над открытой частью бассейна. Забывались усталость, голод и та пустыня, среди которой мы все еще находились. Какое-то особенное, высокое чувство охватывало всю вашу душу, вас самих и неудержимо влекло к месту, где жизнь весенней природы была ключем... Мы шли до сгущенных сумерок и остановились в виду Сого-нора, все еще ярко выделявшегося среди общего серого фона окрестностей. Показался наконец и своего рода маяк в пустыне—Боро-обо, сложенный на высоком северном берегу озера. Тихо спустилась на землю весенняя ночь. Небо зажглось блестящими звездами...

На следующий день, нетерпение наше попасть на Сого-нор еще более увеличилось. Теперь ясно различались на горизонте нежно-белые или серебристые вереницы пролетавших цапель, лебедей, или обособленно сидящих на воде чаек и крачек. Еще ближе, и мы слышали голоса птиц, но самое озеро уже по-немногу стало скрываться береговыми увалами. Вот, наперерез нашего пути, быстро пронеслось стадо газелей (*Gazella subgutturosa*), испугавших диких ослов или хуланов (*Asinus kiang?*), в свою очередь, карьером умчавшихся в сторону пустыни. С последней придорожной высоты открылась широкая полоса золотистых прибрежных камышей, среди которых привольно паслись табуны торгоутских лошадей. Наш караван, вероятно, заставил обратить на себя внимание: к одному из табунов, с западной стороны, под'ехало двое вооруженных всадников...

